

Р. С. Гринберг¹**«УСКОЛЬЗАЮЩИЙ» МИР И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Несколько лет назад известный британский социолог Энтони Гидденс заметил, что мы живем в «ускользающем» мире, и это очень точное утверждение. В результате глобализации мир стал более взаимосвязан и однороден, но именно это качество делает его все более неустойчивым и хрупким. В экономическом устройстве происходят серьезные изменения: инновационная экономика постепенно вытесняется моделью финансовой экономики с упором на финансовые рынки, а не на инновации как главный фактор повышения конкурентоспособности и прибыли. Происходит перераспределение силы и влияния в глобальном экономическом сообществе, формируются новые полюса экономического развития — страны БРИКС, например. Традиционные механизмы регулирования и саморегулирования все чаще дают сбой, что и подтвердил глобальный экономический кризис 2008–2009 годов.

Перспективы окончательного выхода из кризиса туманны, но первая его волна была погашена массивными финансовыми вливаниями, активной государственной антикризисной политикой практически во всех странах мира. Есть ощущение, что мы станем свидетелями радикальных изменений в современном экономическом устройстве, смены экономических моделей развития и, может быть, даже возвращения на новых витках диалектической спирали знакомых смыслов и понятий, ценностей и норм. Уже сегодня можно очертить некоторые ее наиболее значимые элементы. Сначала о том, что прояснилось в ходе кризиса.

Первое: возвращение циклов. Отсутствие каких-либо серьезных потрясений в странах — лидерах мировой экономики за последние 15–20 лет дали основания считать, что циклический характер экономической динамики преодолен. Как полагали многие, посредством самокоррекции рынок обеспечивает поступательное

социально-экономическое развитие, а разнообразные финансовые инструменты (новоиспеченные финансовые инновации типа деривативов) позволяют так диверсифицировать и распределять риски по финансовой системе, что это в целом укрепляет устойчивость и безопасность экономики.

Но циклы, судя по всему, вернулись. Пока мы мало что можем сказать об их периодичности, границы циклов во многом были смазаны и факторами регулирования, и колоссальным расширением рынков в связи с геополитическими и геоэкономическими изменениями в мире. Но теперь мы точно знаем, что антициклическое регулирование, применявшееся в 1950–1980-х годах, опять нуждается в актуализации. Очевидно и то, что в условиях глобализации требуются новые механизмы антициклической политики.

Второе: переосмысление роли и места крупных организационно-экономических и организационно-правовых форм в современной экономике, корпоративного капитала, в том числе ТНК. Предположения о том, что компьютерная эра приведет к повышению эффективности малых форм, что малый и средний бизнес выйдет на первые роли в обеспечении экономического роста и структурных сдвигов мировой экономики, в целом не подтвердились. На самом деле везде продолжается волна слияний и поглощений, изменяется качественный состав лидеров гонки глобальной конкуренции, но именно крупные корпорации остаются локомотивами национальных экономик. И эта тенденция прослеживается во всех странах и регионах мира. По-иному выстраивается и антимонопольная политика, которая ориентируется не столько на масштабы корпораций и доли занимаемых ими рынков, сколько на конкретные проявления монопольного (антиконкурентного) поведения, факты нарушения антимонопольного законодательства.

Третье: реабилитация роли реального сектора экономики, материальной экономики вообще. Происходит пересмотр самого понятия постиндустриализма. Есть некая ирония в том, что о нем более чем уместно говорить применительно к постсоциалистическим странам, которые начали свои реформы с разрушения национальной промышленности, примитивизации структуры экономики. И в этом смысле промышленность, освобождая место некоему постиндустриальному обществу, уходит не как некий отживший исторический

¹ Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Экономическая социодинамика» (в соавт.), «Индивидуум & государство: экономическая дилемма» (в соавт.) и др.; статей: «Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы», «Восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия», «Интеллектуальная катастрофа России», «О новой концепции внешней политики Российской Федерации» и др. Президент Новой экономической ассоциации. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова за научные работы II степени. Награжден орденом Дружбы, почетной грамотой Президиума РАН, Почетным знаком Института экономики РАН.

экономический феномен. Ее временные и пространственные перемещения, то есть массовое закрытие промышленных предприятий, есть результат чрезмерного упования в ходе системной трансформации на силы саморегулирования, а также следствие резко усилившейся глобальной конкуренции. Собственно, только в этом смысле мы можем говорить об очевидном постиндустриальном тренде.

Для указанных стран, которые оказались не в силах сохранить национальные сегменты современной промышленности, такой тренд — суровая реальность, но для государств — лидеров глобальной экономики это не совсем так или совсем не так. Здесь, мне кажется, уместно заметить, что наименее болезненно преодолевают кризис именно те страны (ФРГ и КНР), которые не поддаются соблазнам модного постиндустриализма и остаются верны традиционным промышленным секторам экономики. Для Германии это так называемые инвестиционные товары (машины и оборудование), для Китая — изделия потребительского назначения.

Кроме того, сокращаются зоны экспорта производительного капитала, где еще вчера низкая цена рабочей силы и слабая социальная защищенность наемных работников обеспечивали ТНК сверхприбылями. Кризис расставляет все точки над *i*, и одной из актуальных тем политико-экономической повестки дня становится репатриация промышленных производств, создание новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики.

Четвертое: возвращение государства в экономику, значительное повышение его роли в регулировании хозяйственных процессов, появление ряда новых функций с точки зрения обеспечения экономической безопасности, реализации национальных интересов, а также поддержки инновационных секторов и долгосрочного развития социальной инфраструктуры общества. Но очевидно и другое. Не везде идеология *рыночного фундаментализма*, правившего бал последние 30 лет в качестве «руководства к действию», сдает свои позиции. К сожалению, именно применительно к России можно сказать без особого риска преувеличения, что «рыночный фундаментализм умер, но дело его живет». Попробую показать это «без гнева и пристрастия».

На первый взгляд текущее положение отечественной экономики не так уж и плачевно. Цены на нефть уже более или менее стабильны или по крайней мере не снижаются так стремительно, как раньше. Рубль, как нам говорят власти с едва скрываемым облегчением, якобы нащупал свой «равновесный» уровень и даже начинает неожиданно укрепляться, вызывая растущую панику у ревнителей радикального импортозамещения. Только что начавшаяся рецессия идет к своему завершению, да и потребительская инфляция обещает снизиться к концу текущего года до однозначной величины. Так, может, пора расслабиться и перестать пугать друг друга надвигающимся коллапсом? Правительство, похоже, этим и занимается, демонстрируя спокойствие и оптимизм.

Однако что-то мешает разделить его радужные ожидания. Почему? Во-первых, нет никаких твер-

дых оснований надеяться на сколько-нибудь продолжительную устойчивость сегодняшних цен на нефть, не говоря уже об их возможном росте до предновогоднего уровня. Наоборот, множатся признаки, указывающие на весьма вероятное удешевление углеводородного сырья на мировом рынке. Так что, скорее всего, ценопонижительный тренд окажется здесь сильнее ценоповышательного. И тогда наша рецессия, как, впрочем, и инфляция (в результате нового девальвационного толчка), получит очередное ускорение. Вторых, даже если правительственные предположения окажутся более или менее точными, нам не придется радоваться этому хотя бы потому, что ни антикризисный план правительства, ни денежно-кредитная политика Центробанка не нацелены на изменение индустриального ландшафта страны и структуры экспортных доходов. А ведь без этого страна рано или поздно (скорее рано) вновь окажется беззащитной перед очередным провалом нефтяных цен со всеми хорошо известными последствиями для госбюджета, курса рубля, величины инфляции и динамики реальных доходов населения.

Нельзя сказать, что власти совсем уж игнорируют подобную перспективу. Время от времени первые лица государства публично заявляют об исчерпанности прежней модели не только экономики, но и экономической политики. Говорится даже о необходимости новой парадигмы в управлении народным хозяйством. Все это, конечно, не может не радовать. Но вот дальше начинаются вопросы. Ключевой из них: что же конкретно намеревается предпринять наш правящий дом, чтобы хотя бы в среднесрочной перспективе прекратить столь унижительную зависимость отечественной экономики от растущей неустойчивости мировых цен на нефть?

К сожалению, приходится констатировать, что декларируемые сегодня установки и представления правительственных чиновников и экспертов о путях решения этой задачи не только не внушают оптимизма, но и вызывают дополнительную тревогу, если учесть, что время не на нашей стороне, и, следовательно, сползание страны в «технологическое захолустье» может оказаться необратимым. «Снизить государственное присутствие в экономике», «провести структурные реформы», «повысить эффективность госрасходов», «сократить административные издержки и налоговое бремя для бизнеса» — вот основные правительственные идеи, реализация которых должна вывести страну на траекторию устойчивого цивилизованного развития.

Что здесь скажешь? Во-первых, все это уже было и почему-то не дало желаемых результатов. Примитивизация экономики продолжалась и в «тучные», и в «тощие» годы, несмотря на периодические ритуальные заклинания о ее вреде для позиционирования страны в суровом глобальном мире. Вот и сегодня нельзя избавиться от ощущения, что правительство не знает никаких других способов избавления от пресловутой «нефтяной иглы», кроме совершенствования инвестиционного климата, снижения инфляции до 4 % и выпуска в пожарном порядке феде-

ральных целевых программ по принципу «всем сеграм по серьгам». Но ведь не может же оно не знать, что даже при идеальном инвестклимате и нулевой инфляции желаемые структурные преобразования в экономике нигде в мире не осуществлялись без мощной систематической государственной поддержки в виде промышленной политики. Правда, у нас уже есть закон о промышленной политике, но уж больно он декларативный. Очень бы не хотелось, чтобы и на этот раз был упущен великолепный шанс модернизировать индустриальный ландшафт страны. Великолепный в том смысле, «что нет худа без добра»: неожиданный девальвационный протекционизм в сочетании с западными санкциями буквально толкает экономику к диверсификации ее структуры.

Во-вторых, требуется, наконец, внести ясность по поводу так называемых структурных реформ, о необходимости которых постоянно говорят как высшие правительственные чиновники, так и экономисты, называющие себя либералами. Надо заметить, что и те и другие как-то неохотно раскрывают содержание таких реформ, и это не случайно. Ведь речь идет об исключительно непопулярных реформах, а это означает, что вам говорят примерно следующее: «Мы хотим, чтобы всем было лучше, и это когда-то произойдет, но во время реформ будет хуже, и это надо принять как должное». Граждане от этого не в восторге. Вот реформаторам и приходится заявлять о необходимости «распространения рыночных принципов на общественный сектор», «отказа от патернализма и повышения самоответственности граждан», «оптимизации государственных расходов» и т. д. А на самом деле ставится конкретная задача: значительно сократить социальные обязательства государства, то есть перевести на максимально возможную самоокупаемость здравоохранение, образование, культуру и науку. На человеческом языке это призыв к гражданам за все платить самим — от роддома до могилы. Столкнувшись с подобного рода ситуацией, а она такова, что больше половины россиян имеют месячный доход ниже 18 тыс. рублей, а 38 % — ниже 14 тыс. рублей, моя бабушка сказала бы: «Сначала мы были бедными, а потом нас обокрали».

Словом, проведя структурные реформы описанного содержания, страна гарантированно получит плутократическое элитарное асоциальное государство с примитивной монокультурной экономикой. Нам всем не повезло, что наша трансформация совпала по времени с модой на демонизацию государственной активности. Государство рассматривалось как зло, которого должно быть как можно меньше. Это была западная мода. Мы вообще склонны заимствовать все на Западе без учета места и времени, независимо от того, дружим ли мы с ним (как в начале 1990-х) или ссоримся (как сегодня). Но, в отличие от нас, на Западе до доктринам относятся не так слепо, а с некоторыми оговорками, поправками на реальную жизнь. У нас же есть генетическая склонность к внедрению «единственно верных» экономических теорий, будь то марксизм или свободный рынок. При этом мы легко меняем одну утопию на другую.

В результате сегодня мы переживаем кризис рыночной, но уж очень архаичной экономики. Конечно,

мы создали капитализм, но не с человеческим лицом. Примитивная производственная структура, плюс скандальное неравенство доходов бедных и богатых людей — такая экономика всегда уязвима. Ведь в сущности благополучие страны основывается на высоких ценах на нефть. В нулевые годы на нас, как известно, пролился золотой дождь, по тогдашнему курсу около 9 трлн рублей, но львиная доля этих денег пошла в кубышку, а остальные распределялись очень неравномерно и несправедливо. Добавьте к этому повсеместное господство крупного капитала, едва заметное присутствие малого и среднего бизнеса, а также очень мощное государственное давление на частных предпринимателей, и вы поймете, насколько мы уязвимы перед экономическими потрясениями.

Говорят, что мы «встаем с колен». Это означает, что мы вроде бы чувствуем себя ровней другим великим державам и всему совокупному Западу. Но наш потенциал сегодня намного слабее, чем в советские годы. Такое вставание — очень рискованная вещь. Особенно когда вдруг возникает задача «собирания земель». И мы пытаемся это делать, хотя никто из тех, кто вышел, особенно не хочет «собираться». Кроме того, для нас собирание сопряжено с гигантскими затратами, которые вообще могут подорвать существование нас самих. Крымская история только начинается, но она уже потребовала порядка двух десятков миллиардов долларов. Даже не вникая, правильно или неправильно мы присоединили этот благословенный полуостров, он становится обузой.

Словом, нам надо задуматься о целеполагании того, что мы делаем с точки зрения экономических перспектив. Речь не идет о восстановлении директивного планирования. Оно, как выяснилось опытным путем, просто противоречит человеческой природе. Но ни одна страна мира не добивалась благоденствия, если не планировала желаемой цели и путей ее достижения.

В связи с этим упомяну один проект, вокруг которого не перестают кипеть идеологические страсти, хотя время не играет на нас. «Восточный полигон» — это название комплексного, прежде всего железнодорожного, проекта. Речь идет о расширении узких мест Транссиба и БАМа или — шире — о модернизации двух этих магистралей. Вот цифры. Потребность в инвестициях на развитие БАМа и Транссиба оценивается в 562,5 млрд рублей. Прежде всего это государственные инвестиции. За счет Фонда национального благосостояния выделяется 150 млрд рублей, из федерального бюджета должно поступить 110,2 млрд рублей. Столько же — 260 млрд рублей — РЖД привлечет за счет государственно-частного партнерства. Кто эти частные партнеры, понятно: «Мечел», «СУЭК», «Норникель», «Евраз Холдинг». Только за прошлый год они вывезли с месторождений региона свыше 57,9 млн тонн ископаемых. А после реконструкции дорог, к 2020 году, они смогут вывезти до 113,2 млн тонн. Заинтересованность налицо. Остальное — инвестиции РЖД.

Инвестиции — это именно то, в чем сегодня острее всего нуждается российская экономика. Тем более что, по известным расчетам российских специалистов, каж-

дый рубль инвестиций в железнодорожную инфраструктуру дает 1,46 рубля мультипликативного эффекта для ВВП страны. То есть инвестиции в железную дорогу «будут» не только новые инвестиции в смежных отраслях, но и новый спрос.

Есть традиционное возражение со стороны либеральных экономистов: госинвестиции неэффективны, очередная «стройка века» обогатит не столько страну, сколько чиновников. Я не хочу вдаваться в тему «откатов» и вообще уходить в сферу прокуратуры. Я рассуждаю как экономист. А здесь все достаточно прозрачно. Там, где государство или его госкомпании берутся за проект, который может реализовать частник, они действительно при прочих равных условиях (которых, как правило, никогда не бывает) должны уступать по эффективности частнику — мотивация, когда ты работаешь на себя или на государство, очевидно разная. Но с «Восточным полигоном» ситуация принципиально иная. За такой проект частник просто не может взяться. Непреодолимый для него ограничитель в том, что инвестиции будут некупаемы (в горизонте до 85 лет), если учитывать только прямые эффекты, а мультипликативный эффект может учесть государство, но никак не частник.

Так что же, если окупаемость «не видна», то и за проект браться не стоит? Есть те, кто именно так и отвечает. Но, во-первых, без таких масштабных проектов нам не решить стоящие инфраструктурные проблемы, а без их решения не добиться расширения частных инвестиций. Для частного инвестора развитая и эффективная инфраструктура значит не меньше, а сегодня даже больше, чем хороший инвестиционный климат. Во-вторых, подобные проекты по своему масштабу именно государственные еще и потому, что без них не произойдет ускорения развития территорий, а это государственная задача. В-третьих, в условиях насту-

пающего кризиса крупный инвестиционный проект — это важная антикризисная мера. Как написал в одной из своих статей министр экономического развития Алексей Улюкаев, «сейчас риски госинвестиций существенно ниже рисков отсутствия инвестиций». Очень красноречивое и неожиданное признание.

Но вернемся на «Восточный полигон». Это не только «полигон» в том смысле, что Транссиб и БАМ имеют безусловное военно-стратегическое значение. Не менее важно другое: Транссиб в определенном смысле создал Россию, связав ее воедино, и эта связь остро необходима. Но, по расчетам РЖД, на большинстве участков трассы Восточной Сибири и Дальнего Востока коэффициенты использования мощности перешагнули предельные значения. Значит, альтернативы модернизации Транссиба и БАМа просто нет.

Давайте вспомним Столыпина: «Деньги ходят по дорогам». Для экономики деньги — это жизнь. Нам давно пора активно развивать Восточную Сибирь и Дальний Восток. Почему, понятно и без многословных обоснований. Модернизация Транссиба и БАМа важна не только сама по себе. Это шаг сначала к новому современному инфраструктурному стержню, который, в свою очередь, должен стать основой для развития, прежде всего в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, новых производств, появления новых рабочих мест, если угодно, новых городов.

«Восточный полигон» должен научить не только успешно реализовывать крупные инфраструктурные проекты, выстраивать не на бумаге государственно-частное партнерство, эффективно противостоять кризису, но и буквально строить новую жизнь.

Владимир Путин и Дмитрий Медведев не устают говорить о том, что нам нужна новая модель экономики. Самое время прокладывать для нее новые рельсы.